

Пыжова Олеся Владимировна

**ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ КАК СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА
В КУЛЬТУРЕ СОЦИУМА**

В статье анализируется восприятие тем или иным этносом окружающего мира через практическое познание, а также формирование этнического образа мира посредством обыденного сознания. Автор обращает особое внимание на народную мудрость как своеобразный источник знаний о мире. Особое внимание уделяется таким явлениям этнического сознания и поведения, которые именуются "этнонауками".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/34.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2011. № 3 (9): в 3-х ч. Ч. III. С. 136-139. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/3-3/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Исследование детской субкультуры помогает понять и раскрыть особый мир бытия ребёнка, воспринимающего и интерпретирующего окружающую социальную действительность через призму собственного мировидения, отражающего специфику детского самосознания. Конец XX - начало XXI вв. можно считать точкой отсчёта начала существенных изменений в процессе осознания детьми мира и, как следствие, появления кардинальных перемен в содержании детской субкультуры. Предложенная система понятий может быть использована не только для изучения данного социокультурного феномена и процесса реализации основной функции детской субкультуры (т.е. социализации детей), но и для выявления эволюционных сдвигов, происходящих в современной детской субкультуре, а также для разработки понятийного аппарата, который может применяться для исследования других субкультур, обладающих собственной спецификой.

Список литературы

1. **Виноградов Г. С.** Этнография детства и русская народная культура в Сибири. М.: Восточная литература, 2009. 912 с.
2. **Лосев А. Ф.** Философия. Мифология. Культура. М., 1991. 512 с.
3. **Лотман Ю. М.** Статьи по семиотике и топологии культуры // Лотман Ю. М. Избранные статьи: в 3-х т. Таллинн: Александра, 1992. Т. I. С. 34-45.
4. **Осорица М. В.** Секретный мир детей в пространстве взрослых: методический материал. Изд-е 4-е, испр. и доп. Серия «Мастера психологии». Пб. - М. - Харьков: Питер, 2008. 298 с.
5. **Попкова Т. Д.** Детская субкультура как социальный феномен / сост. Т. Д. Попкова; под ред. Т. Д. Попковой, Б. В. Кондакова. Пермь: Пермский гос. ун-т, 2010. 176 с.
6. **Психология:** словарь / А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 471 с.
7. **Холл Ст., Эллис К.** Очерки по изучению ребенка: исследование о куклах (Куклы. Собственность у детей. Куча песку) / пер. с англ.; под ред. и с предисловием Н. Д. Виноградова. М.: Пучина, 1925. С. 12-13.
8. **Чередникова М. П.** Голос детства из дальней дали: игра, магия, миф в детской культуре / сост., научная редакция, примечания, библиографический указатель В. Ф. Шевченко. М.: Лабиринт, 2002. 224 с.
9. **Шейн П.** Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, сказках, легендах и т.п. СПб., 1898. Т. 1. Вып. 1. 108 с.
10. **Kroeber A. L.** Anthropology. Race. Language. Culture. Psychology. Prehistory. N.Y., 1948. 856 p.
11. **Virtanen L.** Guldens Lore-Studia Fennica. Helsinki, 1978. 465 s.

METHODOLOGY OF CHILDREN'S SUB-CULTURE RESEARCH

Tat'yana Dmitrievna Popkova, Ph. D. in Philosophy
Department of Social Work
National Research University "Perm' State University"
tatyana3@mail.ru

The article considers the history of children's sub-culture researches - of children's autonomous world reproducing, preserving and creating spiritual space which transforms depending on social-cultural changes taking place in the surrounding world. Special attention is paid to the description of the conceptual system of children's sub-culture content.

Key words and phrases: childhood world; social phenomenon; children's sub-culture; child's existence; children's community; world awareness; world perception; world understanding; world-view; conceptual apparatus.

УДК 130.2

В статье анализируется восприятие тем или иным этносом окружающего мира через практическое познание, а также формирование этнического образа мира посредством обыденного сознания. Автор обращает особое внимание на народную мудрость как своеобразный источник знаний о мире. Особое внимание уделяется таким явлениям этнического сознания и поведения, которые именуются «этнонауками».

Ключевые слова и фразы: обыденное сознание; практическое познание; народная мудрость; этнонаука; народная наука; этнос; этнический образ мира.

Олеся Владимировна Пыжова

Кафедра философии

Курский государственный медицинский университет

olvp@bk.ru

ОБЫДЕННОЕ СОЗНАНИЕ КАК СФЕРА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОГО ОБРАЗА МИРА В КУЛЬТУРЕ СОЦИУМА®

Особенности мировосприятия того или иного этноса формируются, прежде всего, в условиях повседневного существования, а значит, формируются и интегрируются средствами обыденного познания. Не случайно именно

обыденный опыт людей многие философы отождествляют с практическим знанием в целом. Повседневный навык освоения непосредственных условий быта и сравнительно простого труда определяется при этом как обыденно-практическое (со)знание. На наш взгляд, этот подход неправомерно суживает сферу вненаучного, атеоретического знания. Начинаясь с представлений и умений вполне обыденных, эти последние продолжают и усложняются на уровне профессионально-практического знания. Оно присуще не всему абстрактно взятому социуму, но отдельным его слоям. Те представляют собой различные уровни квалификации и направления предметно-практического освоения мира (ремесел; хозяйственных, культурных специализаций вообще).

Собственно же обыденные знания, напомним, охватывают, прежде всего, необходимые всем и всегда, массовые и вечные отношения человека и даже этносов к действительности, а именно: нужнейшие навыки самообслуживания и взаимопомощи; базовые приемы ручного, физического труда, необходимые для ведения домашнего хозяйства и обустройства жилища; утвердившиеся формы каждодневного общения с использованием естественного языка и невербальных знаковых систем (мимики, жестов и др.); семантические коды и прочие аксессуары половой любви, продолжения рода и домашнего воспитания потомства; традиции отдыха и игровых забав; празднования разных знаменательных событий и чествования святых; умения ориентироваться на местности; посильное врачевание недугов; защиту при опасности, а также многие другие слагаемые поведения любого человека в различных житейских ситуациях. Кроме того, обыденное сознание выполняет функцию адаптации этноса в окружающем мире - через упрощение воспринимаемого образа мира, создание разнообразных стереотипов, поддержку «веры в справедливый мир», построение прочих психологических защит [6, с. 61].

Перед нами, таким образом, архетип всякого иного, специализированного знания; древнейший и постоянно актуальный фонд информации о мире, каким он прямо обращен к человеку. «Не входя сами по себе в административное устройство или право, в войну или идеологию, повседневная среда и быт образуют их подпочву и подсознание» [1, с. 7], - подмечает историк и теоретик античной культуры Г. С. Кнабе. Именно через гносеологические и психологические «фильтры» обыденности проходят в индивидуальное и коллективное сознание данные из всех остальных источников человеческого опыта - образовательных, профессиональных, конфессиональных и др.

Наконец, к вненаучным сферам общественного сознания относятся духовно-практические виды деятельности, представленные мифологией, религией, искусством, моралью и прочими отраслями народной культуры. Своеобразным итогом их идейно-практического симбиоза, когнитивного резонанса выступает, по нашему мнению, народная мудрость. Ее возможно определить как информационный потенциал менталитета - этнического стиля мысли и поведения, чьи императивы исторически сложились по ходу этногенеза и располагаются на пограничье сознательной и бессознательной зон общественной психики.

Народная мудрость является одним из наиболее емких и ярких примеров возможностей обыденного знания, выступая своеобразным синтезом здравого смысла и лучших традиций профессионализированного труда. В мудрости любого народа обобщены и опыт повседневного выживания этносов на протяжении веков; и познания, накопленные к сегодняшнему дню с помощью важнейших профессий практики. Ведь охота, рыболовство и собирательство, земледелие и скотоводство, ремесло и жилищное строительство, путешествие, торговля, война и многие другие направления практической деятельности представляют собой, по сути, эксперимент, длящийся на протяжении многих тысяч лет на широких просторах Земли благодаря сотням поколений думающих над своим трудом и бытом людей. Столь естественным образом кристаллизуются рациональные выводы вековых практических познаний. Одновременно народная мудрость более или менее успешно противостоит темным, иррациональным слагаемым массового сознания, абсурдным, пережиточным пластам мышления типичных представителей того же самого этноса.

Допустим, как отмечал Д. С. Лихачев, «каждый крестьянин получал от своих родителей и соседей знания, по своему объему не уступавшие знаниям, полученным интеллигенцией в университетах. Знали почву, знали зерно, знали сроки работ и наиболее выгодные условия посевов, знали и ремесла, которыми занимались в долгие зимние дни вынужденного отлучения от земли. Дети воспитывались в обстановке традиционных праздников, почти всегда сочетавшихся с тем или иным трудовым обрядом. России сейчас, как никогда, нужны именно крестьяне с их сельскохозяйственной практикой, крестьянской культурой и крестьянскими повседневными знаниями» [2, с. 8].

Из поколения в поколение передаются и «шлифуются», «доводятся» до совершенства маленькие шедевры сословного или общенародного опыта - приметы, поверия, присказки, паремии (поговорки, пословицы), прибаутки, сказы, припевы, заговоры, причитания, плачи; разные обычаи и обряды трудящейся, отдыхающей, молящейся, играющей жизни людей той или иной национальности. Соответствующие когнитивные формы мысли и поведения предусматривают все без исключения моменты индивидуального бытия, разные состояния души, множество проблемных ситуаций работы и досуга. В этих фольклорных миниатюрах, как правило, тесно переплетены логические, нравственные и эстетические начала.

Рассматриваемые явления этнического сознания и поведения именуются еще «народной наукой», «протонаукой», «этнонауками». Дело в том, что развитие того или иного народа исторически «требовало накопления и сохранения наблюдений, сведений, успешного опыта, относящихся к тем или иным важным для людей сферам их жизнедеятельности. Вот эти запасы сведений, постепенно накапливаемые в ходе длительного опыта, и называются народными науками. Народная наука является продуктом коллективного сознания, и это нередко проявлялось в самой открытой форме» [5, с. 108].

Существуя (за редкими исключениями) в бесписьменной форме, народная наука организовывалась как передаваемое непосредственно от человека к человеку рецептурно-практическое знание, конденсировалась в лаконичную форму примет, заветов и наставлений предков, сакрализованных обычаев и ритуалов, сопровождающих и направляющих определенную деятельность.

В свою очередь, этнонаука - это особое, возникшее под влиянием структурной лингвистики Б. Уорфа направление культурной антропологии, предметом изучения которой являются «народные» модели как организации знаний об окружающем мире, так и интерпретации связей между явлениями и событиями в последнем, а также формы лексической компоновки знаний об этом мире. Таким образом, этнонаука призвана описывать окружающее пространство через призму восприятия его народом, населяющим ту или иную местность, используя при этом категории, понятия, модели, функционирующие в этом народе и понятные ему.

По своей природе народные науки и в самом деле являются «этнонауками», поскольку по существованию и способам передачи знания они теснейшим образом связаны с интегралами этнической жизни, с типичными для нее ритуалами и коллективными обрядами как формами социальной организации и социальной памяти, с устойчивыми живыми традициями. Несомненно, этнонауки, народные науки куда в большей степени, чем проявления теоретического (философского, научного, идеологического) мышления и сознания, связаны с конкретным историческим временем и ареалом их распространения. Тогда как распад этих условий, разрушение живых традиций приводит к исчезновению народных наук, которые оказываются, по существу, невозможными, даже если какие-то их следы остаются в распоряжении последующих поколений. В этом состоит одно из последствий нынешней глобализации в политике и культуре.

Как справедливо отметил В. П. Филатов, «опыт, складывающийся в практической деятельности людей, чрезвычайно конкретен и разнообразен. В этом качестве он является практически неисчерпаемой сокровищницей, из которой наука (как, впрочем, и другие специализированные виды духовной деятельности) может черпать предметные образы, метафоры, понятия. В предметно-практическом освоении действительности формируется и определенный целостный образ мира - жизненный мир, который и генетически, и логически является исходным пунктом для возникновения специализированных научных картин мира» [Там же, с. 107-108].

При этом совершенно закономерно, что этнос в целом, обладая той или иной степенью идентичности, является, наряду с личностью, социальной группой, субкультурной общностью, носителем и хранителем духовного опыта, приобретает и использует разнообразные знания из вненаучной сферы. Каждый этнос на уровне национальной общности строит свою внутреннюю жизнь, познавая свои внутренние законы функционирования и выстраивая свое видение мира и окружающей действительности. Отдельные элементы этнического образа мира носят по своей типологической форме общечеловеческий характер, но их содержание, а главное, понимание, осмысление и оценка специфичны для каждого народа. Народ, нация (этнос) вырабатывает систему оценок своего Космоса и самих себя в нем с позиций добра и зла, прошлого и настоящего, своего и чужого. Такого рода категории архетипичны и присутствуют в любой культуре, однако содержание их меняется, развивается, наполняется разными смыслами в различных культурах.

Таким образом, восприятие этносом окружающего мира через практическое, в первую очередь обыденное сознание (включая познание), - весьма актуальная сегодня проблема в изучении этнического сознания, источников формирования и сфер функционирования этнического образа мира в культуре. Изложенные теоретические выкладки позволяют, смеем надеяться, в какой-то мере преодолеть публицистические крайности в оценках тех или иных вариантов этнических ментальностей. Представленная в статье методология системного анализа этнического образа мира в культуре социума апробирована нами при социологическом исследовании стереотипов восприятия России и русских иностранными студентами, обучающимися в нашей стране. Выборка по студентам из Бразилии, Малайзии, Китая и Шри-Ланки показала возможность и необходимость снижения излишней эмоциональности, предвзятости при межэтническом общении в условиях демократического диалога представителей разных, нередко контрастных культур [3, с. 241-243; 4, с. 78-82]. Превознесение или же принижение тех или других из них, неисторичное сопоставление традиций разнотнических компонентов населения, обычаев коренных жителей и мигрантов, соседей на политической карте мира в наши дни провоцирует эскалацию межэтнических противоречий, конфликтов.

Список литературы

1. Кнабе Г. С. Древний Рим - история и повседневность. М.: Искусство, 1986. 208 с.
2. Лихачев Д. С. Русская культура. М.: Искусство, 2000. 440 с.
3. Пыжова О. В. Образ России и русских в сознании иностранных студентов: опыт социокультурного исследования // Социокультурные процессы в современной России: материалы Всероссийской научной конференции. Вестник филологии и социологии КГУ. Курск: КГУ, 2010. Спец. выпуск. № 1. 308 с.
4. Пыжова О. В. Формирование культурных стереотипов образа России у иностранных студентов медицинского университета // Межкультурная коммуникация: вопросы теории и практики: сб. материалов конференции, посвящ. Году молодежи в России: в 2-х ч. Курск: ГОУ ВПО КГМУ Росздрава, 2009. Ч. 2. 232 с.
5. Филатов В. П. Феноменология знания и соотношение науки и теологии // Экзистенциальный опыт и когнитивные практики в науках и теологии. М.: Альфа-М, 2010. 512 с.
6. Яссман В. П. Образ мира личности: этническая картина мира: монография. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2005. 104 с.

TRIVIAL CONSCIOUSNESS AS THE SPHERE OF ETHNIC WORLD IMAGE FUNCTIONING IN SOCIETY CULTURE

Olesya Vladimirovna Pyzhova

Department of Philosophy

Kursk State Medical University

olvp@bk.ru

The article analyzes the surrounding world perception through practical cognition by this or that ethnic group and also the formation of ethnic world image with the help of trivial consciousness. The author pays special attention to popular wisdom as a peculiar source of knowledge about the world. Special attention is paid to such phenomena of ethnic consciousness and behavior which are called "ethnic sciences".

Key words and phrases: trivial consciousness; practical cognition; popular wisdom; ethnic science; popular science; ethnic group; ethnic world image.

УДК 32.323(314.83+338)

В статье автор акцентирует внимание на современных вызовах и угрозах безопасности, имеющих комплексный характер. Автор полагает, что ключевыми направлениями деятельности государства являются обеспечение необходимого экономического, в том числе военного и промышленного потенциала, реализация приоритетных национальных проектов, комплексное решение проблем социальной сферы, в частности преодоление неоправданно резкого расслоения населения, духовное оздоровление общества.

Ключевые слова и фразы: угрозы; вызовы; энергетическая безопасность; международный терроризм; Дальний Восток; незаконная миграция; коррупция; технологическая отсталость; интеграция; национальные проекты.

Сергей Александрович Сидоров, к. полит. н.

Кафедра общеправовых дисциплин

Хабаровский пограничный институт ФСБ РФ

sidorov1061@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННЫХ УГРОЗ И ВЫЗОВОВ РОССИИ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ®

До недавнего времени в нашей внешней политике Запад рассматривался в качестве безусловного приоритета - и неважно, в качестве врага или доброго друга. Это привело к тому, что мы успешно «проспали» мощнейший общий подъем Азии и Латинской Америки. А ведь именно Азия и Латинская Америка являются теми регионами, по имени которых многие серьезные футурологи предлагают называть начавшийся XXI век веком «Тихоокеанским» (*Pacific Century*) [31]. Именно здесь - на этом геополитическом, геостратегическом, геокультурном и экономическом театре, выстроенном вокруг и в акватории Великого океана - будет решаться судьба человечества в ближайшие десятилетия.

Прежде всего, *главной особенностью данного театра является необычайно высокая мощность ключевых игроков и жесточайшая конкуренция между ними в схватке за ресурсы*. В первую очередь именно здесь встречаются и дерутся не на жизнь, а на смерть Запад и Восток, создающий во многом в оппозицию Западу принципиально новое образование последних десятилетий - так называемую «азиатскую нацию» (*Asian Nation*) [32] или особенное азиатское сообщество (*Asian Community*).

По мнению А. И. Игнатова, заместителя руководителя Департамента стран АСЕАН и общеазиатских проблем Министерства иностранных дел РФ, в последнее время Москвой продемонстрировано искреннее стремление к развитию всесторонних отношений с нашими восточными соседями [23, с. 80]. Более того, отключенность нашей страны от формирующегося тихоокеанского сообщества может сказаться на ее безопасности и в широком понимании этого термина, и в военном отношении. Ведь здесь пересекаются всевозможные интересы великих и мощных держав: США и России, Китая и Индии, США и Индии, Японии и США. А все это в большой степени влияет на процесс вхождения возрождающейся России в мировое сообщество.

По нашему мнению, в огромном ресурсном потенциале Сибири и Дальнего Востока России сплелись воедино все напасти природного, техногенного характера и властных невзгод. Дисбаланс между активными запасами и геологической неопределенностью всерьез угрожает региону [Там же].

Другой особенностью региона является восприятие угроз. Несовпадения в российских подходах к проблемам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) можно объяснить различиями в восприятии угроз. На уровне отдельных экспертов такие различия - вполне нормальное и обычное явление для большинства